

УДК 930.85

**ПРЕДМЕТНЫЙ МИР СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ
ПОД ЗНАКОМ ИДЕОЛОГИИ ЭТНОЦЕНТРИЗМА***В.М. Бухараев***Аннотация**

Рассматривая этноцентризм в качестве системообразующего элемента исторического знания, автор в методологическом формате анализирует особенности проявления этнонациональной идеологии в историографии советского времени, как в смысле доминировавшей в гуманитарии великорусской патриотики (в том числе в замещённой форме революционного мессианства), так и в качестве маркера «своей» истории тех или иных этнокультурных общностей в условиях советского неоимперства. Подвергается деконструкции семантическая конвергенция понятий «национальная история» и «национальный историк».

Измысленное Гегелем правило Совы Минервы, верно, никак нельзя выдать за свежий когнитивный фрейм. Но не всё то золото... Никому ещё не дано было отменить сей неудобный статут: смыслы открываются завтра. Когда какая-то история подошла к концу, а если и присутствует в современности, то в виде осколков прежних формаций. Полтора десятка лет спустя после исчезновения советского гуманитарного канона наступило время для рефлексии по поводу особенностей его возникновения, культурных и идеологических составляющих: «Как именно связано наиболее интересное *для нас* в мышлении первой трети закончившегося века со спецификой новой власти и ее идеологией? И почему столь устойчивой кажется ныне эта исторически подвижная констелляция тогдашних идей и обстоятельств?»¹.

Принципы советской гуманитарии наиболее последовательно были воплощены в феномене советской исторической науки, каковой и становится ныне объектом всё более пристального внимания специалистов. В сотворяемых современной наукой образах советской историографии практически отсутствует этнонациональное измерение, и тому есть свои причины. Дело не только, скажем так, в непродуманности отечественным научным сообществом проблемы национальной идеи как сердцевины всякого исторического познания. «Прорицателей о прошлом», похоже, вообще не слишком-то вдохновляет гегелевское постановление о ночном полёте Птицы с острым зрением и слухом. В самом деле, правило Совы нацеливает на познание через уже свершённое, воплотившееся. Но очень уж тонка – а для положительной науки она и вовсе размыта –

¹ *Дмитриев А.* Испытание методом: «новая наука» и кризисы советского утопизма // Новое литературное обозрение. 2007. – № 88. – С. 7.

грань между придавшей импульс гегелевским идеям о природе постижения смыслов исторической прагматикой Дж. Вико: «*verum et factum convertuntur*», с одной стороны, и кальвинистской телеологией – с другой. Кому же может понравиться балансировать над пропастью исторического модернизаторства? Будем считать, что такие всё-таки есть, обратившись к историографии сегодняшнего дня в видах выявления тех её предпосылок, что не были в свое время подвергнуты референции. Вопросать (здесь – в методологическом формате) придётся «с пристрастием», поелику неозначенной, непоименованной субстанции для науки не существует.

Итак. Своего рода моментом истины современного историографического процесса является институционализация национальных историографий. Они доминируют в официальных учреждениях и системах образования на пространствах бывшего СССР, включая – в той или иной мере – национально-государственные субъекты России. Эта новейшая смена вех характеризуется освобождением национального историознания от диктата державно-имперской, великорусской традиции и утверждением модели «национальной концепции» истории вновь возникших государств или полугосударственных образований. Одновременно разворачивается процесс конституирования собственно русской историографической школы, в содержании которого наиболее заметно проявляют себя две тенденции.

Во-первых, определённая часть специалистов демонстрирует приверженность подходам, укоренённым в системах либерального – по определению критического – мышления. Они интенционально устремлены к достижению «объективных» образов истории – формируемые на консенсуальной основе в среде производителей исторического знания системы представлений о значениях явлений и процессов. В историописании и учебно-педагогических практиках это оборачивается ориентацией на некий концептуальный «треугольник»: цивилизационный подход – теория модернизации – идеи «школы тоталитаризма».

Во-вторых, формируется устойчивая линия новейшей историографии, представляющая собой инвариант великорусской традиции, той же позиции «старшего брата» в «семье народов». При всех различиях в идейно-политических пристрастиях, которые демонстрируют представители этого направления, в целом оно опирается на русскую культурно-консервативную идеологию. Об укреплении её позиций на поле исторического знания, а также амбициозных претензиях на социальное проектирование во второй половине «нулевых» годов свидетельствуют масштабные идеологические проекты, связанные с истолкованием в почвенно-этноисторическом ключе проблемы византизма – понятия-образа, выработанного в российской историософии XIX века и ставшего одним из ключевых историко-теоретических концептов консерватизма¹.

В любом случае современную историографическую ситуацию отличает явное усиление этноцентризма – исследовательского подхода, для которого характерны сочувственная фиксация черт своей этнической группы, вплоть до выде-

¹ О роли «византизма» в ходе формирования идейно-политического комплекса, мобилизуемого для аргументации выдвигаемых консервативной мыслью России политических программ, см.: *Мягков Ю.Г.* Проблема роли византийского фактора в истории России в современной историографии // Историческое знание: теоретические основания и коммуникативные практики. Материалы Всерос. науч. конф. – М., 2006. – С. 243–246.

ления этнонационального фактора в качестве основного критерия исторического познания. Для осмысления складывающегося положения вещей нужно прояснить его природу. Этноцентризм, впервые явленный миру в образе европоцентризма, – собственно, ответвление национально-государственной (культурно-геополитической) идеи. Она предстаёт в виде теоретической санкции на конструирование нации и защиту её «места под солнцем» в эпоху перехода европейских сообществ от традиционализма к техноурбанизму. Истолкование субъектов, используемых в процедуре социально-культурной идентификации («народ», «нация», «белый человек», несущий «бремя» мирового культуртрегерства, и проч.), исторически зависело от определения другого как «врага»¹. По мере удаления во времени от своего прототипа, относящегося к эпохе Великой французской революции (первая буржуазная – французская – нация слагалась из «патриотов», противостоящих супостатам; впрочем, идея нации была измыслена «на вырост» и французская нация в конце XVIII века являлась, скорее, политическим воображаемым), национальная идея может и понижать градус ксенофобии. Однако её размещение в формате «мы – другие» остается неизменным.

Тематизированная философия истории и научная историография, продукты Нового времени, генетически связаны с национальной идеей, которая обеспечивает конституирование и оснащение принципиальными смыслами историзирующее культурное сознание. Официальная европейская историография демонстрирует европоцентризм, квалифицируя характер взаимоотношений Европы с народами Азии – Африки – России. Синкретический «евровзгляд» расщепляется в национальных историографиях, когда те приступают к рассмотрению внутриевропейских дел. Создаваемая под эгидой нации-государства история не берет в расчёт разнообразные «политические этнические общности с того момента, как они включаются в состав того государства, которое их поглощает»².

Вызов «национальной ограниченности» был брошен марксизмом, который может быть истолкован в виде реакции космополитически ориентированной части интеллектуалов, озабоченных бедствиями социальных аутсайдеров эпохи «фабричных труб», на жесткие общественные практики национальных капиталов и государств, обустривающих собственные культурно-политические цитадели в ходе формирования новых мироотношений. Но. Логика национально-государственного и этнокультурного развития весомее аргументации социального экуменизма. Дело «всесветного пролетариата» оказалось в залогах национальной мистерии. В годы первой мировой социал-демократия поддержала свои правительства. Выступавшее под знаменем марксизма советское руководство – в соответствии с характером эволюции госмонополярной системы собственности и власти, что поглотила её же породившую большевистско-интернационалистскую революцию, – обратилось к великорусской державной идее, прикрытой интернационалистской риторикой. Отечественная история вновь предстала, в соответствии с традицией имперской историографии, как преимущественно история русского национального государства.

¹ См.: Шмитт К. Понятие политического // *Вопр. социологии.* – 1992. – Т. 1.

² Ферро М. Европоцентризм в истории: расцвет и упадок // *Метаморфозы Европы.* – М., 1993. – С. 13.

При всей своей особости случай советской историографии вписывается в охвативший в первой половине XX века европейский мир процесс именно что национализации науки. В ходе первой мировой войны «трансформировался характер связи научных исследований с политическим и социальным развитием, а значит, и с национально-государственным фактором в принципе. Интернациональные стороны научной кооперации на уровне непосредственного исследования во все большей степени стали зависеть от организационных систем сотрудничества и их государственного регулирования. В полной мере это относится и к социальным наукам, для которых первая половина XX века была временем встраивания в структуры социального государства в экспертной и образовательной роли (примерно так же, как вторая половина XIX века была временем укрепления и “онаучивания” дисциплин историко-филологического цикла в ходе демократической легитимации национальных государств, их культуры и “великого” прошлого)»¹.

Нет, право, рано сбрасывать со счетов гегелевскую диалектику. Случившиеся после окончания Второй мировой «великолепные три десятилетия» «сняли» кратократические тенденции западного социума. Либерально-демократические ценности западной науки, корпоративный этос научного сообщества, предписывающий целеположенно избегать влияния политической и идейной конъюнктуры, подкрепленные процессами социально-культурной интеграции внутри западного мира во второй половине XX века, во многом обесценили этнонациональные предпочтения в истории. Те или иные ученые, апеллируя к состоянию современного западного историознания, в том числе к опыту собственного творчества, могут – и вполне искренне – отводить упреки в этноцентризме «своих» историографий. Однако об этноцентризме как родовой мете исторического знания нельзя судить, обращаясь к изыскам иного знатока средневекового города. Этноцентризм – это вензель всей национально-государственной историографии. Он явственно обнаруживает себя в школьных и вузовских учебниках, энциклопедической литературе как бы в обезличенной форме: авторство учебника и энциклопедии, этих сконструированных сводов исторических сведений, понятие, как правило, весьма условное.

Не меньше этноцентризм говорит о себе тем, о чём он умалчивает. Американский историк либеральной ориентации обращает внимание на фигуры умолчания в российской историографии, ратуя за формирование полиэтнонационального образа истории России: «Следует серьезно изучить такой факт, как вычёркивание истории Польши и Финляндии из истории России. Ведь ясно, почему это происходит, – потому, что независимость этих стран не совпадает с так называемой “национальной историей”. Границы и последующие геополитические события часто определяют изучение прошлого. Но они не должны диктовать историкам условия», поскольку «история регионов, история народов без одного государства, история эмиграции и диаспоры, интернациональная история – все эти истории должны дополнять традиционную историю наций и

¹ Дмитриев А. «Академический марксизм» 1920–1930-х годов: западный контекст и советские обстоятельства // Новое литературное обозрение. – 2007. – № 88. – С. 13.

государств»¹. Взгляд, конечно, верный, но явно утопический, поскольку стремление представить в невыгодном свете «чужих» имеет своим основанием экзистенциальную неуверенность в «своих». Чувство уверенности – производное от ощущения осмысленной и полезной жизни. Откуда же им взяться во всё более фрагментирующейся, «текучей» современности, что характеризуется «исчезновением и ослаблением, распадом и разложением человеческих связей, сообществ и партнёрских отношений»²?

«Фигуры умолчания в российской историографии» лишают слова и историю историографии. Поэтому особые затруднения встают на пути исследователя, намеревающегося обратить свой взор на проявления этнонациональной идеологии в историографии советского периода – и в смысле доминирующей в гуманитарии великорусской патриотики, и в качестве маркёра «своей» истории тех или иных этнических групп в «красной» неоимперии. В советское время эта проблема или не рассматривалась вовсе, или ставилась в тенденциозной, политизированной форме (национальная история как эквивалент антимарксизма либо национал-уклонизма в большевизме). Историческая наука в России и других государствах «ближнего зарубежья» продолжает демонстрировать отсутствие устойчивого интереса к вопросам этноцентризма в российской историографии XX века. Разве что теперь открыто проговариваются традиционные этноцентристские идеологемы, что в неявной, коннотативной, форме присутствовали в национальных историографических комплексах советских времён.

Одна иллюстрация на эту тему. Азербайджанский историк видит причины «нарушений и искривлений» в процессе культурного строительства в советском Азербайджане не только «в безответственной и верноподданнической» позиции местных властей: «Несмотря на то, что местные большевики полностью подчинили свою внешнюю и внутреннюю политику союзному центру, союзное руководство, по-видимому, до конца не доверяло товарищам-большевикам из мусульманской республики. Поэтому при проведении своей политики в Азербайджане центральное руководство стремилось, как и прежде, т. е. во времена Российской империи, опираться на своих *испытанных и верных союзников на Кавказе – армян*» (выделено нами. – В.Б.)³. Когда надо осадить «чужих», кому интересны реальные взаимосвязи? Вроде этих: многонациональный состав управленческого аппарата на Кавказе в 20–30-е годы – явление повсеместное, «например, в Грузии, кроме грузин и русских, среди управленческих кадров было немало армян, а в самой Армении – азербайджанцев»⁴.

Теперь возьмём западную советологию, в исследованиях приверженцев которой «история и политология практически сливались в единую научную дисциплину»⁵. Проявления национальных идей в провинциальной исторической

¹ Дэвид-Фокс М. Опыт и анализ одного курса: История России – XX век // Актуальные проблемы преподавания российской истории в университетах России и США: Тез. докл. Российско-американского симпозиума. – Самара, 1998. – С. 17.

² Бауман З. Текучая современность. – СПб., 2008. – С. 176.

³ Касумова И. Размышляя над документами // Советский тоталитаризм на Кавказе (20–30-е годы). – Баку, 1998. – С. 69–71.

⁴ Мастюгина Т.М., Перепёлкин Л.С. Этнология. Народы России: История и современное положение. – М., 1997. – С. 274.

⁵ Козн С. Переосмысливая советский опыт: Политика и история с 1917 года. – [N.Y.], 1986. – С. 13.

литературе советского периода советологи расценивали в качестве форм исторической культуры, которые были практически сведены на нет советским марксизмом, игравшим роль принудительной моноидеологии. Для современного россиеведения, формировавшегося до известной степени в качестве альтернативы ортодоксальной советологии и опиравшегося на «ревизионистскую» критику «школы тоталитаризма» 1960–1970-х годов, методологию социологически информированной «социальной истории», характерны более широкие проблемно-концептуальные основания, стремление вместо статичной картины «монологического режима»¹ увидеть в истории советского общества противостояние идей и корпоративных сил, многоуровневые конфликты социополитического, религиозного, этнонационального характера.

Стремление возратить Россию XX века в лоно общеевропейской истории, размещение советского опыта в координатах противоборства консерваторов и реформаторов, включая сферы партийного руководства и идеологии, несомненно, открывает новые исследовательские горизонты. Но одновременно таит в себе опасность теоретического модернизаторства, смешения должного и сущего в освещении истории советского общества, его культуры и науки. В исследовании А. Каппелера, посвящённом эволюции России как мультинациональной империи, констатируется наличие историографических школ отдельных советских республик. После сталинских времён они пережили период институционального оформления, разветвления и профессионализации, оставаясь при этом под контролем центра. Национальные историографические школы в Советском Союзе, по мнению автора, имели значительные достижения и серьёзные труды, прежде всего по вопросам социальной и экономической истории. Однако они вынуждены были избегать острых тем, связанных с завоеванием, подчинением, включением в состав Российской империи, с национальными движениями и национальной политикой. Темы эти оставались за скобками научных исследований или освещались в одностороннем идеологизированном плане².

В понятии «национальные исторические школы», используемом Каппелером применительно к местным историографиям, а именно национальных республик СССР, присутствует известное преувеличение. Если не считать, что понятие берётся в широком смысле и обозначает те группы историков, внимание которых сфокусировано на проблемах истории своих регионов. Но история тех же регионов на основе единых теоретических подходов изучалась и историками «центра», как правило, в процессе создания ими «обобщающих трудов». Часть региональных исследований, выполненных местными историками, выходила в столичных издательствах (это являлось признанием заслуг провинциального историка перед советской наукой) под пристальным оком идеологической цензуры.

Разумеется, отличительная черта национальной исторической мысли, выражение которой ограничивалось постулатами имперского мировоззрения, — сосредоточенность, по необходимости в завуалированном виде, на истории своей этнической группы, её топоса. Однако этот признак ещё не даёт основа-

¹ Shapiro L. The origin of the Communist Autocracy. 2-d ed. [L., 1977]. – P. XVIII.

² Каппелер А. Россия – многонациональная империя: Возникновение. История. Распад. – М., 1997. – С. 15.

ния для возведения местной историографии в ранг «национальной школы». Это понятие предполагает существование культивирующих национальную историческую мысль научно-педагогических центров, находящихся под патронажем властей. Соответственно – наличие этноцентристской «оптики» во всём историческом комплексе. Между тем «просветление» этой «оптики», наведение её «на резкость» усиленно сдерживались посредством того, что Капеллер называет «давлением официальной идеологии, фактически оправдывающей завоевания самодержавного государства»¹. Система науки и педагогики была организована так, чтобы обеспечить эффективность этого идеологического давления. Идеократический советский строй сформировал «вполне определённый тип историка», научившегося воспринимать партийное руководство как нечто естественное и само собой разумеющееся. Более того, сложился «тип историка-партийца, жаждущего данного руководства и чувствовавшего себя крайне дискомфортно без него»².

Поэтому применение без всяких оговорок понятия «национальные исторические школы» относительно историографической ситуации в национальных регионах Советского Союза послевоенного времени вряд ли плодотворно с научной точки зрения³. Скорее, следует использовать понятие «национальные школы историографии» для характеристики историографической обстановки 1920-х годов. В выступлениях участников Всесоюзной конференции историков-марксистов, в рамках которой работала секция истории народов СССР, рассматривались проблемы «современной исторической украинской науки», «армянской историографии». Раздавались призывы к организации коллективной работы «историков-марксистов Закавказья», «дружному союзу украинских историков-марксистов и ресефесеровских историков-марксистов, а также и белорусских историков-марксистов, грузинских и т. д.». Посланцы национальных регионов остро реагировали на «отрывки» великодержавного шовинизма и национального нигилизма, которые они усматривали в «русской исторической литературе»⁴.

Другое дело, что в официальной исторической науке послевоенного периода не только не признавалось наличия «национальных школ», но вообще не ставился вопрос об эволюции национальной исторической мысли в советское время. В пятом томе академического издания «Очерки истории исторической науки в СССР», посвященном развитию советской историографии проблем отечественной истории с середины 1930-х до конца 1960-х годов, оказавшемся последним актом масштабной историко-научной рефлексии советского историоз-

¹ Там же. – С. 14.

² Афанасьев Ю.Н. Феномен советской историографии // Отечественная история. – 1996. – № 5. – С. 156. См. также: Советское общество и советский человек (точка зрения Александра Зиновьева): Материалы «Круглого стола». Выступление Г.С. Кордонского // Вопр. философии. – 1992. – № 11.

³ Более реалистично выглядит характеристика, данная М. Ферро: «В результате практиковавшейся с 20-х годов национальной политики каждая республика имела свою собственную официальную историю, которая составлялась по одному общему образцу. Такой подход вёл к искажению подлинной истории этих народов. Получалось так, что народы каждой будущей республики проходили одни и те же этапы единого исторического развития, и именно Москва определяла ритм и темп этого развития» (Ферро М. Указ. соч. – С. 16). Правда, в этом образе национальной историографии не остаётся места для элементов национальной идеи, проявляющейся в скрытых или замещённых формах.

⁴ См.: Труды Первой Всесоюзной конференции историков-марксистов. 28.II.1928 – 4.I.1929. Т. 1. – М., 1930. – С. 432, 437, 440–441, 459 и др.

нения в условиях советского строя, выделение национальных историографических комплексов отсутствует. Показательно, что не была реализована заявленная в предыдущем выпуске «Очерков» задача – рассмотреть в «специальном томе» проблемы борьбы с буржуазным национализмом в историографии 1920-х – начала 1930-х годов прошлого столетия¹.

Между тем исторические реалии таковы, что советская историография, как и обществоведение в целом, являли собой интеллектуальное пространство, где разворачивалась борьба групп интересов, сохранялись элементы академической культуры². На этом пространстве прослеживается прерывистая, штрихпунктирная линия национальной исторической мысли. Особенности её эволюции, формы выражения на фоне развития господствующей великорусской историографии – это особый исследовательский дискурс³.

Надо сказать о тех затруднениях в понятийном аппарате, с какими приходится сталкиваться в ходе анализа проявлений этноцентризма в историческом познании в советское время. Понятие «национальная история» в социологическом смысле не означает ничего иного, как систему знаний, сотворенную национальной (принадлежащей той или иной стране) школой историографии, которая в силу неизбывных обстоятельств культурно-исторического развития демонстрирует в разной степени этноцентризм – локальный или геополитический (европейский, североамериканский, африканский, арабский и т. д.).

Однако в контексте современного русского логоса, актуальных культурных представлений происходит семантическая конвергенция: «национальная история» воспринимается в качестве суммы знаний о прошлом какого-либо этноса, взятого во взаимодействии с его историческими соседями, которая организована посредством национальной идеи, обосновывающей культурные и политические притязания руководящих классов. Это относится и к понятию «национальный историк», которое вполне определённо звучит как обозначение носителя, контрагента завуалированного или явного, но отрефлексированного, целерационального этноцентризма как праксеоморфного способа понимания мира.

Смыслы, привносимые сегодня в понятия истории и историка, числящихся по национальному «ведомству», в немалой степени отражают реальное положение дел. Национальные историки на пространствах бывшего Советского Союза, – поменявшие свою роль представителей контркультурных практик, занимавших маргинальное положение в историографии, на положение носителей доминирующего стиля – переигрывают историю по сценариям, отвечающим задачам идейно-политического обоснования процессов формирования национальных государств, укрепления позиций трайболистских руководящих групп. А в этом серьезном деле нет места таким сантиментам, как научная истина.

¹ Очерки истории исторической науки в СССР. Т. IV. – М., 1966. – С. 164.

² См.: Батыгин Г.С., Девятко И.Ф. Советское философское сообщество в сороковые годы: почему был запрещён третий том «Истории философии»? // Вестн. РАН. – 1997. – № 7; Бухарев В.М. Академическая традиция в отечественной историографии в условиях советской идеократии // Учен. зап. Казан. ун-та. – Казань, 1998. – Т. 134. Проблемы отечественной и зарубежной истории и историографии. – С. 5–17.

³ См.: Бордюгов Г., Бухарев В. Национальная историческая мысль в условиях советского времени // Национальные истории в советском и постсоветских государствах. – М., 2003. – С. 21–72.

Summary

V.M. Bukharaev. Soviet Historiography Object World in the Context of Ethnocentric Ideology.

The article presents a methodological analysis of ethnonational ideology specifics as revealed in Soviet-time historiography both in Great-Russian humanitarian patriotism (including revolutionary messianism) and as an “own history” mark for some ethnocultural entities in the conditions of Soviet neo-imperialism. Ethnocentrism is viewed as a system-forming element of historical knowledge. Semantic convergence of “national history” and “national historian” notions is deconstructed in the article.

Поступила в редакцию
13.10.07

Бухараев Владимир Миннетович – кандидат исторических наук, доцент кафедры политической истории Казанского государственного университета.

E-mail: *Sovetnik101@yandex.ru*